

ФРЭНСИС ЭЛИЗА БЁРНЕТТ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ЛОРДА

Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт

Приключения маленького лорда

«Public Domain»

1886

УДК 821.111
ББК 84-44

Бёрнетт Ф.

Приключения маленького лорда / Ф. Бёрнетт — «Public Domain»,
1886

ISBN 978-5-00108-519-5

Судьба была не очень благосклонна к маленькому Цедрику. Он рано потерял отца, а дед от него отказался. Но однажды он получает известие, что его ждёт огромное наследство в Англии: графский титул и богатейшие имения. И тогда его жизнь круто меняется.

УДК 821.111

ББК 84-44

ISBN 978-5-00108-519-5

© Бёрнетт Ф., 1886
© Public Domain, 1886

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	28
Глава IV	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

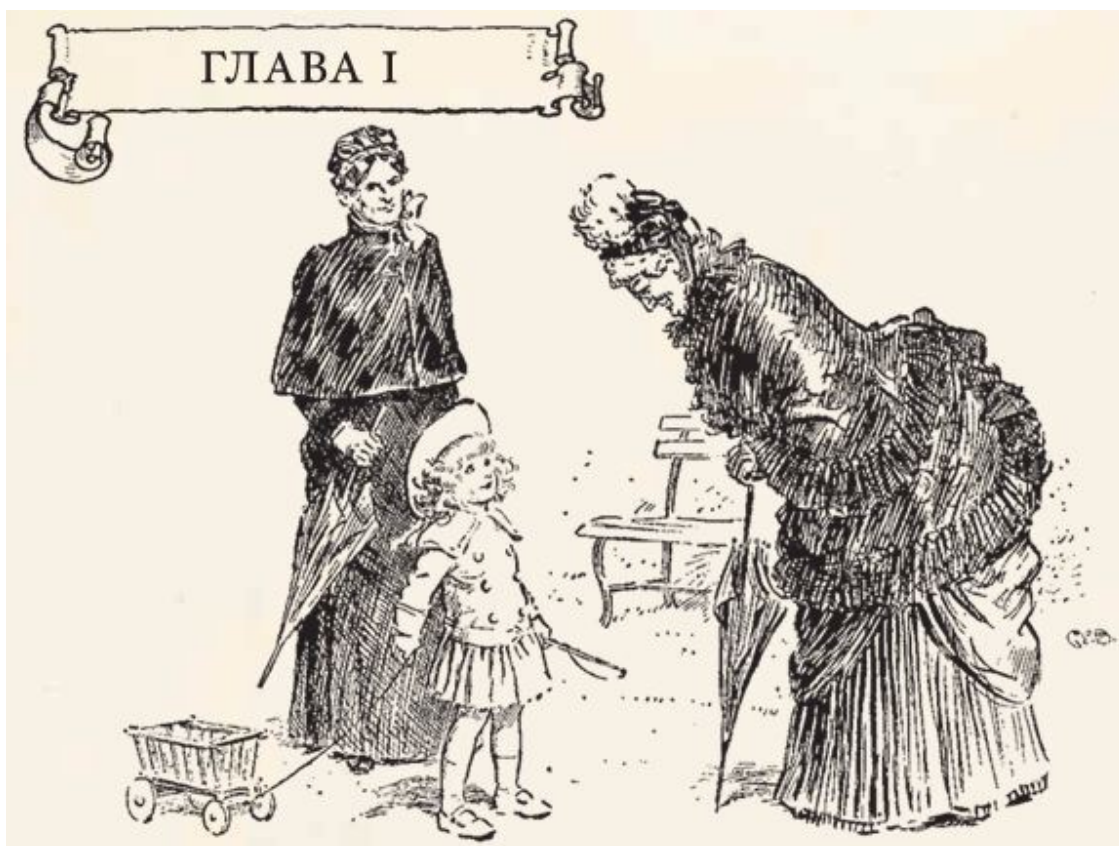
Фрэнсис Элиза Бёрнетт Приключения маленького лорда

– ТЫ РАД МЕНЯ ВИДЕТЬ, ДА? – СПРОСИЛ ОН. – ДА, – ОТВЕТИЛ ЛОРД ФАУНТ-
ЛЕРОЙ, – ОЧЕНЬ

Глава I

Неожиданность

Цедрик никогда не слышал об этом. Ему ничего не говорили. Он знал, что его папа был англичанином, потому что об этом ему рассказывала мама; но капитан Эрроль умер, когда Цедди был ещё маленьким мальчиком, и он помнил только, что папа был высок ростом, с синими глазами, длинными усами, что ему, Цедди, так нравилось кататься по комнатам, сидя на его плече. После папиной смерти Цедрик понял, что лучше не говорить о нём с матерью. Когда он лежал больной, мальчика отослали из дома; когда же Цедди вернули, всё уже было кончено, и его мать, которая тоже была опасно больна, только что поднялась с постели и перешла в кресло подле окна. Она очень похудела и побледнела, все ямочки исчезли с её хорошенького лица, глаза сделались большими и печальными, и она надела чёрное платье.

– Дорогая, – сказал Цедди (папа всегда так называл её, и мальчик перенял это от него). – Дорогая, папе лучше?

Почувствовав, что её руки задрожали, он повернул свою курчавую головку и посмотрел ей в лицо. На нём было странное выражение, и Цедрик понял, что сейчас заплачет.

– Дорогая, он поправился?

И вдруг его маленькое любящее сердечко подсказало, что лучше всего обнять её шею обеими руками, много-много раз поцеловать и прижаться нежной щекой к её щеке; так он и сделал; она же прильнула лицом к его плечу, горько заплакала и так сжала его, будто не хотела или не могла отпустить от себя.

– Да, ему хорошо, – сквозь слёзы сказала она, – совсем-совсем хорошо, но... но... теперь мы остались вдвоём. У нас больше никого-никого нет.

В эту минуту Цедрик, хотя и был очень маленьким, понял, что его большой, красивый, молодой папа уже никогда не вернётся, что он умер; при нём часто говорили о других «он

умер», но Цедди плохо понимал, что это значит. Однако, видя, что мама всегда плачет, когда говорят об отце, он втайне решил пореже упоминать о нём; понял Цедди также, что лучше не позволять ей сидеть одной, молча, и смотреть на огонь камина или в окно.

У них с мамой было мало знакомых. Можно сказать, что они жили одинокой жизнью, хотя Цедрик не сознавал этого, пока не вырос и не услышал, почему у них не бывало гостей. Став старше, Цедди узнал, что, когда его папа женился на маме, она была сирота, очень хороша собой и жила компаньонкой у богатой старой леди, которая неласково и недобро обращалась с ней. И вот как-то раз капитан Цедрик Эрроль, гостивший у богатой старухи, увидел, что компаньонка вся в слезах побежала по лестнице; она была так мила и казалась такой печальной, что капитан не мог её позабыть. После случилось много странных вещей: они полюбили друг друга и обвенчались, их женитьба многим не понравилась. Больше всех рассердился отец капитана, старик, живший в Англии, богатый и знатный человек с дурным характером; он не любил Америку и американцев. Кроме капитана Цедрика у него были ещё два сына; по закону старший из этих сыновей должен был после смерти отца получить графский титул и великолепное богатое имение; если бы умер первый сын, наследником сделался бы второй, поэтому, хотя капитан Цедрик принадлежал к очень важной и знатной семье, он не ждал, что будет богатым.

У младшего сына было то, чего не хватало его старшим братьям: красивое лицо, стройная, тонкая, грациозная фигура, весёлая улыбка и нежный, приветливый голос; он был храбр, щедр и великодушен, обладал самым добрым сердцем в мире и, казалось, мог заставить каждого полюбить себя. Его старшие братья мало походили на него: ни один из них не был красив, добр и умён. Когда они учились в Итонской школе, товарищи не особенно любили их; в колледже они плохо занимались, тратили без толку время и деньги и почти ни с кем не подружились. Старшие сыновья постоянно раздражали старого графа, и он считал, что они недостойны его.

Наследник не делал ему чести, и по всему казалось, что он с годами станет себялюбивым, расточительным, ничтожным человеком без твёрдости и других благородных качеств. Граф сожалел, что только третий сын, который должен был получить маленькое состояние, отличался всеми достоинствами: привлекательностью, красотой и силой. По временам он почти ненавидел красивого молодого человека за то, что природа дала ему те свойства, которые так шли бы к важному титулу и великолепным имениям; между тем в глубине своего старого упрямого сердца он невольно горячо любил младшего сына. Раз в припадке вспыльчивости он приказал тому уехать в путешествие по Америке, воображая, что ему будет легче, если Цедрик Эрроль на время исчезнет и, таким образом, не будет приводить его в отчаяние, так сильно отличаясь от братьев, которые тогда доставляли отцу множество неприятностей.

Месяцев через шесть граф соскучился и пожелал снова увидеть капитана Цедрика; он написал ему, приказывая немедленно вернуться в Англию, но через несколько дней получил письмо, в котором сын сообщал о своей любви к хорошенькой американке и о желании жениться на ней. Граф пришёл в бешенство. Он вообще отличался дурным характером, но ещё никогда в жизни не сердился так, как в ту минуту. Лакей, бывший в комнате, думал, что у его сиятельства от гнева сделается апоплексический удар. С час граф бесновался, как тигр, потом сел к столу и написал сыну, что запрещает ему когда бы то ни было возвращаться в старый дом или писать отцу и братьям, что с этого дня Цедрик может жить как ему вздумается и умереть где угодно, что он навсегда отрезан от семьи и не должен ждать помощи от отца.

С глубокой печалью капитан прочёл ответ графа; он любил Англию, красивый дом, в котором родился, любил даже своего сурового отца с дурным характером и всегда сочувствовал ему в его огорчениях, но знал, что в будущем ему нечего надеяться на доброту старика. Капитан Цедрик не сразу придумал, что делать. Его не приучали к труду, и он не привык работать, но отличался твёрдостью и решительностью. Поэтому Цедрик Эрроль тотчас же подал в отставку из английской армии, нашёл себе в Нью-Йорке место и женился. Для него началась совсем новая жизнь; он был молод, счастлив и надеялся, что, работая, добьётся многого. На

тихой улице у него был маленький дом, в котором родился его мальчик; всё шло хорошо, он не терял бодрости и никогда не жалел, что женился на хорошенькой компаньонке богатой дамы; она была так прелестна и так любила его! Она действительно была добра и хороша собой, а сынок походил и на мать, и на отца. Хотя он родился в очень простом и бедном домике, на свете никогда не жил более счастливый ребёнок. Во-первых, он был здоров, а потому никогда никому не причинял беспокойства; во-вторых, его ласковый кроткий характер и милые манеры доставляли наслаждение всем; в-третьих, он был до того красив, что казался картинкой. Цедди начал жизнь не безволосым ребёнком, как другие; напротив, его головку покрывали мягкие тонкие золотистые волосы, концы которых завивались; когда ему минуло шесть месяцев, они висели свободными кольцами. На его милом маленьком личике светились большие карие глаза с длинными ресницами; у него были твёрдые крепкие ножки и такая сильная спинка, что в девять месяцев он быстро научился ходить; кроме того, Цедди отличался такими хорошими манерами для крошечного ребёнка, что знакомство с ним всем доставляло наслаждение. Казалось, он сам чувствовал, что все – его друзья. Когда кто-нибудь на улице заговаривал с ним, видя его в ручной колясочке, он смотрел на незнакомца милым, серьёзным взглядом, а потом улыбался прелестной, дружелюбной улыбкой; в окрестностях глухой улицы, на которой жил Цедрик, все знали его и с удовольствием шутили с ним; его полюбил даже бакалейщик на углу, считавшийся самым угрюмым существом на свете. И с каждым месяцем Цедди делался всё красивее и занимательнее.

Когда Цедди подросток, няня стала водить его на прогулку, а он всегда вёз за собой маленький игрушечный экипаж. В своей короткой пикейной курточке и в большой белой сдвинутой на затылок шляпе, из-под которой выбивались золотистые курчавые волосы, он казался так красив и силен, что все обращали на него внимание; дома няня рассказывала маме о дамах, которые останавливали экипажи, чтобы посмотреть на него, поговорить с ним, и приходили в восторг от того, как по-детски весело и беспечно отвечает он им, точно старым знакомым. Особенно милым казалось, что он охотно и смело заводил дружбу с людьми. Я думаю, это было следствием доверчивости Цедди и доброты его сердечка, которое всех любило и желало, чтобы всякий чувствовал себя хорошо и ловко. Доброта также заставляла его быстро понимать чувства окружающих. Может быть, эта способность развилась в Цедди потому, что он жил с отцом и матерью, которые были любящими, внимательными, нежными, хорошо воспитанными. Дома он никогда не слышал недоброго или невежливого слова; его любили, ласкали и обращались с ним нежно, а потому его детская душа была полна доброты. Он постоянно слышал, как отец называл маму милыми, ласковыми именами, и сам, говоря с нею, тоже употреблял их; он постоянно видел, что его отец заботился о ней, берёг её, и тоже выучился заботливо относиться к ней.

Поэтому, когда Цедди узнал, что его отец никогда больше не вернётся, и увидел, как печалится мать, в добром маленьком сердце мало-помалу появилась решимость утешить и успокоить её. Он был ещё ребёнком, но эта мысль шевелилась в его мозгу всегда, когда он взбирался к ней на колени, целовал её, прижимал свою курчавую головку к её шее, когда приносил ей свои игрушки, показывал книжки с картинками или спокойно ложился подле неё на диван. Маленький Цедди не знал, что можно утешать людей иначе, но делал всё, что умел, и был для неё большей поддержкой, чем мог вообразить.

– О Мэри, – раз при нём сказала миссис Эрроль своей старой служанке, – я уверена, он старается по-своему утешить меня; я знаю, что старается. Иногда он смотрит на меня таким любящим, задумчивым взглядом! Мне кажется, ему грустно за меня, а потом он подходит ко мне, ласкает меня или приносит мне что-нибудь. Он так походит на маленького взрослого человечка, что, право, мне кажется, он всё понимает.

Когда Цедди стал старше, у него появилось множество странных, забавных привычек, которые занимали и смешили взрослых. И он сделался для матери настоящим товарищем.

Теперь ей почти не нужно было другого общества. Они вместе гуляли, разговаривали, играли. Цедди узнал буквы, когда ещё был совсем маленьким, и любил по вечерам, лёжа на ковре перед камином, вслух читать иногда детские рассказы, иногда большие книги для взрослых, а иногда даже газеты; в это время Мэри из кухни слышала, как миссис Эрроль с наслаждением смеётся в ответ на его забавные замечания.

– И действительно, – говорила Мэри бакалейщику, – всякий невольно улыбнётся, глядя на него и слыша, как он рассуждает, ну точно взрослый. Он пришёл ко мне на кухню в тот вечер, когда выбрали нового президента, и стал перед огнём – хорошенький, как картинка, – засунул руки в карманчики и, соорудив самое серьёзное личико, говорит: «Мэри, меня очень интересует, кого выберут. Я республиканец, и Дорогая республиканка. А вы, – говорит, – республиканка, Мэри?» – «Вот жалко, – говорю, – я ведь демократка». Он посмотрел на меня таким взглядом, который идёт прямо в сердце: «Мэри, – говорит, – отечество погибнет!» И с тех пор каждый день он приходил ко мне и старался переменить мою политику.

Мэри его очень любила и очень гордилась им. Она жила в доме с рождения Цедди, а со дня смерти капитана сделалась кухаркой миссис Эрроль, её горничной и няней Цедрика, словом, всем-всем. Она гордилась грациозной, сильной фигуркой мальчика, его милыми манерами, больше же всего гордилась его блестящими курчавыми волосами, которые вились надо лбом и падали очаровательными, прелестными локонами на плечи. Она соглашалась работать с самого раннего утра до ночи, помогая миссис Эрроль шить для него маленькие костюмы и держать их в порядке.

– Он – настоящий лорд, – говаривала она. – Второго такого красавца-мальчика, право, даже на Пятой аллее не встретишь. И все – мужчины, женщины, дети – смотрят на него, когда он разгуливает в своей чёрной бархатной курточке, переделанной из старого платья миссис, а его курчавые волосы блестят и развеваются. Право, он похож на маленького лорда.

Цедрик не знал, что он походит на молодого лорда; он даже не знал, что такое лорд. Самым его большим другом был содержатель бакалейной лавки на углу, угрюмый бакалейщик, который с ним никогда не был сердитым или суровым. Его фамилия была Гоббс, и Цедрик восхищался им и глубоко уважал его. Он считал Гоббса очень богатым и важным человеком. Ведь у него было столько разных разностей в лавке – чернослив и винные ягоды, апельсины и бисквиты, а кроме того – лошадь и фургон. Цедрик также любил молочника, булочника и продавщицу яблок, но больше всех он любил мистера Гоббса и был с ним до того близок, что каждый день заходил к нему и нередко долго-долго сидел, рассуждая о различных делах и происшествиях. Просто удивительно, сколько тем находили они! Вот, например, праздник Четвёртого июля! Когда они начинали толковать о Четвёртом июля, то, право, казалось, этому и конца не будет. Мистер Гоббс был очень дурного мнения о британцах, он подал мальчику всю историю революции и удивительные патриотические рассказы, в которых ясно рисовались низость врагов и мужество революционных героев; он даже великодушно прочитал ему часть Декларации независимости. Цедрик разволновался; его глаза блистали, щёки горели, а кудри смешались и сбились в золотистую копну. Он еле дождался обеда, так ему хотелось рассказать обо всём маме. Может быть, именно благодаря мистеру Гоббсу Цедди заинтересовался политикой. Гоббс очень любил читать газеты, и Цедрик знал почти всё, что происходило в Вашингтоне; бакалейщик также объяснял ему, в каком случае президент исполнил свою обязанность, в каком – нет. И когда настали выборы, он нашёл, что всё чудно и хорошо; вероятно, без мистера Гоббса и Цедрика страна погибла бы. Отправляясь смотреть на факельную процессию, мистер Гоббс взял его с собой, и многие из участников шествия впоследствии вспоминали толстого человека, стоявшего подле фонарного столба и державшего на плече маленького красивого мальчика, который изо всех сил кричал и махал шляпой.¹

¹ 4 июля 1776 года была подписана Декларация независимости США. – *Примеч. ред.*

Довольно скоро после этих выборов, в то время, когда Цедрику шёл восьмой год, случилось очень странная вещь, совершенно изменившая всю его жизнь. Удивительно: в тот самый день, когда это произошло, Цедди разговаривал с мистером Гоббсом об Англии и королеве. Мистер Гоббс очень сурово осуждал английскую аристократию и в особенности негодовал на графов и маркизов. Стояло жаркое утро; поиграв в солдат со своими друзьями, Цедрик пошёл отдыхать в лавку. Там он увидел, что Гоббс сердито рассматривает лист «Иллюстрированных лондонских новостей» с картинкой, изображавшей придворную церемонию.

– Ага, – сказал он, – вот что у них делается теперь; но всё это когда-нибудь переменится, и те, кого они попирали ногами, поднимутся! Да, бедняки сбросят всех этих графов, маркизов и остальных. Наступит это время, им следует ждать его.

Цедрик по обыкновению взобрался на высокий стул, сдвинул шляпу на затылок и засунул руки в карманчики, стараясь выразить этим уважение к Гоббсу.

– А вы знали много маркизов или графов, мистер Гоббс? – спросил Цедрик.

– Нет, – с негодованием ответил Гоббс. – Не думаю. Я не хотел бы, чтобы мне попался один из них здесь. Вот и всё! Я не желал бы, чтобы один из этих жадных тиранов уселся на мои бисквитные бочонки!

Он остался так доволен сказанной фразой, что огляделся и вытер платком лоб.

– Может быть, они не были бы графами, если бы могли поступить иначе, – сказал Цедрик, чувствуя невольное сострадание к этим несчастным.

– Пустяки, – ответил Гоббс. – Они гордятся этим. Это у них врождённое. Да все они – дрянь.

В разгар их разговора пришла Мэри. Цедрик подумал, что она хочет купить сахару, но ошибся. Мэри была бледна, и на её лице виднелись следы волнения.

– Иди домой, милый, – сказала она. – Миссис тебя ждёт.

Цедрик соскользнул со стула.

– Она хочет пойти куда-нибудь со мной, Мэри? – спросил он. – До свидания, мистер Гоббс. Я скоро опять зайду к вам.

Он с удивлением увидел, что Мэри смотрит на него молча и покачивает головой.

– Что с тобой, Мэри? Тебе жарко?

– Нет, – ответила она. – Но происходят странные вещи.

– Не разболелась ли у Дорогой голова от солнца? – с тревогой спросил Цедрик.

Но и этого не было. Когда мальчик подошёл к своему крыльцу, он увидел перед ним экипаж. В гостиной кто-то разговаривал с мамой. Мэри отвела его наверх, одела его в лучший

летний костюм из фланели кремового цвета с красным кушаком на талии и причесала его курчавые локоны.

– Лорды? – услышал он её бормотание. – Знать? Дворянство? Ох, беда! Лорды! Вот несчастье-то.

Это было удивительно, но Цедрик думал, что мама объяснит ему всё, и не мешал Мэри стонать сколько ей угодно, не задавая вопросов. Когда его переодели, он сбежал с лестницы и вошёл в гостиную. В кресле сидел худой старый господин с резкими чертами лица. Подле него стояла бледная Дорогая, и Цедрик заметил в её глазах слёзы.

– О Цедди! – вскрикнула она, подбежала, обняла его и поцеловала со взволнованным, испуганным лицом. – О Цедди, дорогой.

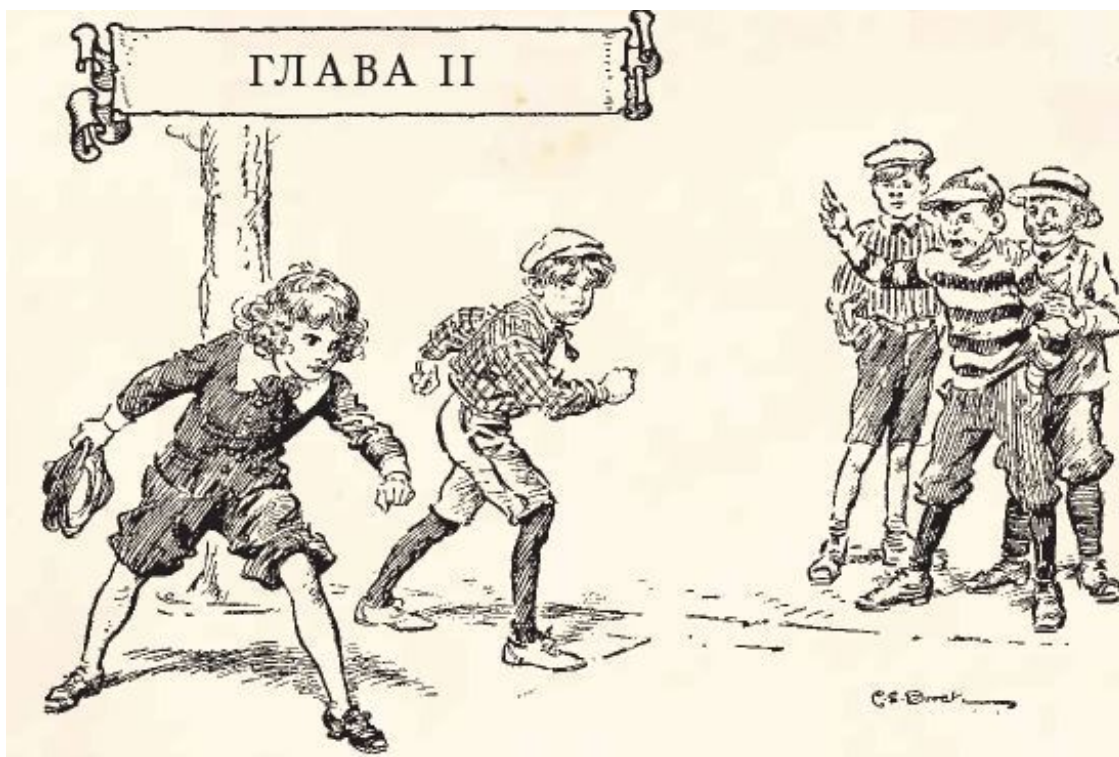
Высокий старик поднялся с кресла и пристально взглянул на мальчика. Костлявой рукой он потёр свой острый подбородок.

У него было очень довольное лицо.

– Итак, – медленно произнёс он, – это маленький лорд Фаунтлерой!

Глава II Друзья Цедрика

Для Цедрика началась такая странная, такая удивительная жизнь, что он не знал, действительно ли это всё происходит. Мама ему рассказала очень необыкновенную историю. Ему пришлось два или три раза прослушать её, чтобы понять, в чём дело. И он не мог себе представить, что подумает обо всём мистер Гоббс. История началась с графов; дедушка, которого Цедрик никогда не видел, был графом; если бы его старший дядя не убился, упав с лошади, он тоже был бы со временем графом; после его смерти второй дядя Цедрика был бы графом, если бы не умер в Риме от лихорадки; потом его собственный папа сделался бы графом, если бы он остался жив; но так как все они умерли и остался только Цедрик, оказывалось, что он, Цедрик, должен сделаться графом после смерти дедушки; теперь же он стал лордом Фаунтлероем.

Услышав это в первый раз, он побледнел:

– О Дорогая, мне не хочется быть графом. Никто из моих товарищей не граф. Как сделать, чтобы этого не было?

Но, по-видимому, ничего нельзя было сделать. Вечером, сидя у открытого окна и глядя на глухую улицу, Цедрик и его мать долго разговаривали. Мальчик сидел в своей любимой позе, обхватив одно колено, и его маленькое изумлённое личико покраснело от усиленных дум. Дедушка прислал за ним, прося его приехать в Англию, и, по мнению мамы, ему следовало ехать.

– Видишь ли, – сказала она, печально глядя в окно, – я знаю, что твой папа захотел бы этого, Цедди, а потому ты должен ехать. Он очень любил свою родину, и есть многое, чего маленький мальчик не может вполне понять. Если бы я не отослала тебя, я была бы очень себялюбивой мамочкой. Когда ты вырастешь, ты сам увидишь – почему.

Цедди печально покачал головой:

– Мне очень жаль расстаться с мистером Гоббсом. Я думаю, ему будет не хватать меня, а мне – его. И мне жаль оставить их всех.

Когда мистер Гавишем – постоянный адвокат графа Доринкоурта, присланный дедом за лордом Фаунтлероем, – пришёл на следующий день, Цедрик услышал ещё много неожиданного и не стал веселее, узнав, что он со временем сделается очень богатым, что у него будут замки в различных местах, большие парки, глубокие рудники, крупные имения и фермы. Его беспокоила мысль о его друге, мистере Гоббсе, и вскоре после завтрака он побежал к нему в магазин в очень тревожном состоянии духа.

Бакалейщик сидел и читал утреннюю газету. Цедрик подошёл к нему с важным видом. Он чувствовал, что мистер Гоббс будет поражён, услышав обо всём случившемся, и по дороге к лавке долго думал, как бы лучше сообщить ему неожиданную новость.

– Ага! – сказал мистер Гоббс. – Здравствуйте!

– Здравствуйте, – ответил Цедрик.

Он не забрался по обыкновению на высокий стул, а уселся на ящик с бисквитами, обхватил руками колени и несколько мгновений не двигался, не говорил и сидел так тихо, что мистер Гоббс наконец вопросительно взглянул на него поверх газеты.

– Эй-эй, – произнёс бакалейщик.

Цедрик собрался с духом:

– Мистер Гоббс, помните ли вы, о чём мы говорили с вами третьего дня утром?

– Да, – ответил Гоббс, – об Англии.

– Верно, – продолжил Цедрик. – Но перед тем, как Мэри пришла за мной? Помните?

Мистер Гоббс потёр затылок.

– Мы говорили о королеве Виктории и аристократах.

– Да, да, – нерешительно произнёс Цедрик. – И о... о... графах, помните?

– Помню-помню, – заметил Гоббс. – Мы немножечко затронули их, да-да.

Цедрик вспыхнул до корней волос. Никогда в жизни он ещё не был так смущён. Он боялся, что и мистеру Гоббсу тоже будет не по себе.

– Вы сказали, – продолжил Цедди, – что не позволите им сидеть на ваших бисквитных бочонках?

– Да, сказал, – твёрдо ответил Гоббс. – И я говорил то, что думаю. Пусть они попробуют – тогда и увидим.

– Мистер Гоббс, – сказал Цедрик, – в эту минуту на ящике сидит граф.

Гоббс так и подскочил.

– Что такое? – закричал он.

– Да, – с подобающей скромностью сказал Цедрик, – я граф или сделаюсь графом. Я не хочу обманывать вас.

Мистер Гоббс казался взволнованным. Он порывисто поднялся с места и подошёл посмотреть на термометр.

– Кровь бросилась вам в голову, – сказал он, возвращаясь и глядя на своего юного друга. – Знойный день! Как вы себя чувствуете? У вас болит что-нибудь? Когда это началось с вами?

Он положил свою большую руку на волосы мальчика. Положение сделалось ещё затруднительнее.

– Благодарю вас, – сказал Цедди. – Мне совсем хорошо. С моей головой ничего не случилось. К сожалению, я должен сказать вам, мистер Гоббс, что всё это правда. Вот зачем пришла за мной Мэри и увела меня домой. Мистер Гавишем рассказывал обо всём этом моей маме; мистер Гавишем – адвокат.

Гоббс упал на стул и стал усиленно вытирать лоб платком.

– У одного из нас солнечный удар, – с волнением заметил он.

– Нет, – ответил Цедрик, – мы оба здоровы. Нам нужно как-нибудь примириться с этим, мистер Гоббс. Мистер Гавишем нарочно приехал из Англии, чтобы рассказать нам всё. Его прислал сюда дедушка.

Гоббс дико смотрел на невинное серьёзное личико.

– Кто ваш дедушка? – спросил он.

Цедрик положил руку в карман и вынул кусочек бумажки, на которой было что-то написано его круглым неправильным почерком.

– Мне трудно было запомнить всё сразу, а потому я записал, – проговорил мальчик и медленно прочитал вслух: – Джон-Артур-Молине-Эрроль, граф Доринкоурт. Вот его имя, и он живёт в замке... то есть, кажется, в двух или трёх замках. Мой папа был его младшим сыном, и, если бы папа не умер, я не был бы ни лордом, ни графом. Папа тоже не был бы графом, если бы его старшие братья не умерли. Но они все умерли, и не осталось никого, кроме меня... Ни одного мальчика. Поэтому я должен быть графом, и дедушка прислал за мной. Он хочет, чтобы я поехал в Англию.

Гоббсу делалось всё жарче и жарче. Он вытирал лоб и лысину и с трудом переводил дыхание. Бакалейщик начал понимать, что случилось что-то необыкновенное, однако он смотрел на Цедрика, который спокойно сидел на бисквитном ящике с встревоженным выражением своих детских глаз, и не замечал в нём никакой перемены; он видел, что это всё тот же милый мальчик, как и прежде, – красивый, бодрый, славный маленький человечек в чёрном костюме и красном галстучке. Все эти известия о знатности туманили ему голову. Он ещё больше смущался, потому что Цедрик говорил так просто, очевидно совсем не понимая поразительности случившегося.

– Как?.. Как ваше имя, сказали вы? – спросил Гоббс.

– Цедрик Эрроль, лорд Фаунтлерой, – ответил Цедрик. – Так назвал меня мистер Гавишем. Когда я вошёл в комнату, он сказал: «А вот и маленький лорд Фаунтлерой!»

– Ну, – заявил Гоббс, – заставьте меня плясать!

Когда он бывал очень изумлён или взволнован, у него всегда срывалось это странное восклицание. В такое изумительное мгновение он не мог произнести ничего другого.

Цедрик решил, что это вполне подходящее к случаю восклицание. Он так любил и уважал мистера Гоббса, что всегда восхищался всеми его замечаниями и одобрял их. Он мало бывал в обществе и не понимал, что мистер Гоббс иногда нарушал правила приличий. Конечно, Цедди видел, что Гоббс не походит на его маму, но ведь его мама была дама, а, по мнению мальчика, дамы всегда отличались от джентльменов.

Он печально посмотрел на Гоббса:

– Англия очень далеко? Правда?

– За Атлантическим океаном, – ответил Гоббс.

– Это самое худшее, – сказал Цедрик. – Может быть, я долго не увижусь с вами... Мне неприятно думать об этом, мистер Гоббс.

– Самым лучшим друзьям приходится расставаться, – заметил бакалейщик.

– Мы много лет были дружны, мистер Гоббс, правда? – спросил Цедди.

– С самого вашего рождения, – ответил Гоббс. – Вас в первый раз вынесли на эту улицу, когда вам было шесть недель.

– Ах, – со вздохом заметил Цедрик, – в то время я не думал, что когда-нибудь сделаюсь графом.

– А как вам кажется, – спросил Гоббс, – нельзя как-нибудь избавиться от этого?

– Боюсь, что нет, – ответил Цедрик. – По словам Дорогой, папе было бы приятно, чтобы я поехал в Англию и стал лордом. Но вот что я могу сделать: если уж мне придётся быть графом, я постараюсь быть графом хорошим. Я не буду тираном. И если опять начнётся война с Америкой, я постараюсь остановить её.

Он долго и очень серьёзно разговаривал с мистером Гоббсом. Когда прошло первое потрясение, Гоббс стал спокойнее, чем можно было ожидать; он решил примириться с новым положением вещей и во время разговора с Цедди задал ему множество вопросов. Однако Цедрик мог ответить на немногие из них, а потому бакалейщик постарался сам разрешить их.

Начав говорить о графах, маркизах и господских имениях, он многое объяснил мальчику так, что это, вероятно, очень удивило бы мистера Гавишема.

Но и без того многое удивляло Гавишема. Он прожил всю жизнь в Англии и совершенно не привык к американцам и их обычаям. По обязанности он около сорока лет бывал в семье графа Доринкоурта, хорошо знал всё касавшееся его больших имений, богатства и знатности, и теперь его занимал маленький мальчик, который в будущем должен был сделаться владельцем громадных поместий. Адвокат знал, как печалили графа его старшие сыновья, как жестоко сердился он на капитана Цедрика за его женитьбу на американке, знал он также, до чего старик ненавидел кроткую молодую вдову, как злобно и жестоко он говорил о ней. Упрямый старик настойчиво уверял, что она расчётливая особа, которая заставила его сына жениться на ней, так как капитан – член знатной семьи. Старый адвокат сам верил, что это правда. Он в жизни видел много себялюбивых, корыстных людей и был дурного мнения об американцах. Когда его отвезли на жалкую улицу и экипаж остановился перед маленьким убогим домиком, Гавишем смутился. Ему было странно, что будущий владелец замков Доринкоурт, Виндгем, Корлворт и других великолепных поместий родился и воспитывался в невзрачном домишке, а на углу улицы, где он жил, стояли зеленая и бакалейная лавки. Он старался представить себе мальчика, которого встретит. Ему хотелось даже отказаться от встречи с ним. Он гордился благородным родом, дела которого вёл так долго, и ему было неприятно иметь дело с женщиной, не уважающей родину своего покойного мужа и благородство своего имени. Сам Гавишем очень уважал это древнее славное имя, хотя был только хладнокровным, ловким старым адвокатом.

Когда Мэри ввела Гавишема в маленькую гостиную, он окинул её подозрительным взглядом. В ней стояла самая простая мебель, но комната имела уютный вид; не было дешёвых безвкусных безделушек и плохих картин; всё было просто, красиво, и старик заметил множество мелочей, сделанных ловкой женской рукой.

«Пока совсем недурно, – мысленно сказал он, – но, может быть, всё это вкус капитана?»

Однако, когда вошла миссис Эрроль, он подумал, что, возможно, гостиную убрала молоденькая вдова капитана. Если бы Гавишем не был сдержанным, суровым стариком, вероятно, он пришёл бы в смятение, увидев её. В простом чёрном платье, плотно облегавшем её тонкую фигуру, она больше походила на молодую девушку, чем на мать семилетнего мальчика. У неё было красивое лицо и большие тёмные печальные глаза – такими со дня смерти её мужа Цедрик привык видеть их. Выражение печали на её лице пропадало только тогда, когда он играл с ней, повторял ей фразы взрослых людей или употреблял в разговоре длинные слова, выхваченные им из газет или из разговоров с мистером Гоббсом. Цедди любил длинные слова и всегда радовался, когда миссис Эрроль смеялась, хотя, по его мнению, это совсем не было смешно. Он-то говорил вполне серьёзно.

Старый опытный адвокат отлично умел разгадывать характеры людей и, едва увидев миссис Эрроль, тотчас же понял, что старый граф ошибался, считая её неблагодарной, корыстолюбивой женщиной. Гавишем не был женат и даже никогда никого не любил сильно. Но он угадывал, что эта прелестная молодая женщина с нежным голосом и печальными глазами вышла замуж за капитана Эрроля только потому, что любила его всем сердцем, и никогда не думала о том, как может быть выгодно для неё его близкое родство с богачом графом. Он понял, что ему будет легко разговаривать с ней, и начал думать, что маленький лорд Фаунтлерой не сделается таким наказанием для графа, как это предполагалось. «Капитан был очень красив, молодая мать тоже хороша собой, и, может быть, – говорил себе адвокат, – мальчик окажется довольно мил».

Когда Гавишем объяснил миссис Эрроль, зачем он приехал, она страшно побледнела.

– О, – сказала молодая женщина, – неужели его возьмут от меня? Мы так любим друг друга. Он – всё моё счастье; у меня только он, и я старалась быть для него хорошей матерью. –

Тут её нежный молодой голос задрожал и слёзы покатались из глаз. – Вы не знаете, что он для меня значит, – прибавила она.

Адвокат откашлялся.

– Я должен сказать, – начал он, – что граф Доринкоурт не... не очень дружески расположен к вам. Он стар, и предубеждения его сильны. Он никогда не любил Америку и американцев и очень сердился на сына за его брак с вами. Мне очень грустно говорить вам неприятные вещи, но он твёрдо решил не видаться с вами. Он желает, чтобы лорд Фаунтлерой воспитывался под его наблюдением и жил у него. Граф любит замок Доринкоурт и большую часть времени проводит в нём. Он страдает подагрой, и Лондон ему не нравится. Поэтому, вероятно, лорду Фаунтлерой придётся жить в Доринкоурте. Граф предлагает вам поселиться в усадьбе Коурт-Лодж; она стоит в хорошем месте, недалеко от замка. Он также предлагает вам приличный годовой доход. Лорду Фаунтлерой будет позволено навещать вас; вы же не должны бывать в замке и входить в ворота парка. Как видите, в сущности, вы не расстанетесь с вашим сыном, и – уверяю вас, сударыня, – все эти условия не так жестоки, как... как могли бы быть. Я уверен, вы сами поймёте, какую пользу принесут лорду Фаунтлерой жизнь в замке и утончённое воспитание.

Адвокат немножко боялся, что миссис Эрроль заплачет или устроит сцену, как поступили бы многие женщины. Ему всегда бывало неловко, когда он видел слёзы.

Но миссис Эрроль не заплакала. Она только подошла к окну и несколько минут стояла, не глядя на него; старик понял, что она старалась овладеть собой.

– Капитан Эрроль очень любил Доринкоурт, – сказала она наконец. – Он любил Англию, всё английское и всегда тосковал по родине. Он гордился своим домом и своим именем. Он захотел бы – я знаю это, – чтобы его сын увидел старинную усадьбу и получил воспитание, нужное для его будущего положения.

После этого миссис Эрроль подошла к столу и остановилась, кротко глядя на Гавишема.

– Вот чего хотел бы мой муж, – сказала она, – и так будет лучше для моего маленького мальчика. Я знаю, я уверена, что граф не захочет заставить его разлюбить меня; я знаю также, что, если бы он даже постарался сделать это, мой маленький Цедди, который так походит на отца, не испортится. У него горячая, верная душа и искреннее сердце. Даже в разлуке со мной он любил бы меня, а раз мы будем видаться, я не должна очень страдать.

«Она мало думает о себе, – подумал адвокат. – Она ничего не просит для себя».

– Сударыня, – громко сказал он, – я уважаю ваши заботы о сыне; он поблагодарит вас, когда вырастет. Уверяю вас, о лорде Фаунтлерое и его счастье будут заботиться. Граф Доринкоурт постарается предоставить ему все удобства.

– Я надеюсь, – сказала нежная мать срывающимся голосом, – что дедушка полюбит Цедди. У мальчика очень любящая натура, и его всегда любили.

Мистер Гавишем опять откашлялся. Он с трудом мог представить себе, чтобы капризный, себялюбивый, больной подагрой граф полюбил кого-нибудь. Однако адвокат понимал, что старому лорду будет выгодно по-доброму обращаться с ребёнком, которому предстояло сделаться его наследником. Знал он также, что, если Цедди сделает честь своему имени, дедушка станет гордиться им.

– Я уверен, что лорду Фаунтлерой будет хорошо, – заметил он. – Именно для его же счастья граф пожелал, чтобы вы жили поближе к нему и часто виделись.

Он не хотел повторять точных слов графа; это были и невежливые, и недружелюбные слова. Мистер Гавишем предпочёл передать предложение своего знатного доверителя более мягко и вежливо.

Он был снова поражён, когда миссис Эрроль попросила Мэри отыскать Цедрика и привести домой и Мэри сказала, где мальчик.

– Конечно, я сейчас же приведу его, – проговорила служанка. – Ведь он у мистера Гоббса. Сидит себе на высоком стуле подле конторки и разговаривает с ним о политике или играет посреди лавки бруском мыла, свечой либо картофелем, как славный, благоразумный мальчик.

– Мистер Гоббс знает его с рождения, – сказала миссис Эрроль. – Он очень добр к Цедди, и они очень дружны.

Гавишем вспомнил, что проездом он видел лавку, полную бочек с картофелем и яблоками, и в его уме снова зашевелились сомнения. В Англии сыновья воспитанных людей не дружат с бакалейщиками. Всё это казалось ему очень странным. Было бы ужасным, если бы у мальчика оказались дурные манеры и влечение к обществу грубых людей. Старый граф горько страдал от унижения, слыша, что его старшие сыновья любили людей недостойных. «Неужели, – подумал адвокат, – этот мальчик унаследовал наклонности дядей, а не хорошие качества своего отца?»

Разговаривая с миссис Эрроль, он до прихода Цедди тревожно думал об этом. Когда дверь открылась, адвокат не сразу решился взглянуть на мальчика. Люди, знавшие мистера Гавишема, может быть, очень удивились бы, узнав, какие странные мысли шевельнулись в нём, когда он взглянул наконец на Цедрика, стремительно бросившегося к матери. Старик сильно взволновался; он сразу понял, что в комнату вошёл один из самых прелестных мальчиков, которых он когда-либо видел. Цедрик со своей сильной, лёгкой, грациозной фигурой и смелым, мужественным личиком был необыкновенно хорош; он высоко поднимал голову и держался прямо, смело. И он поразительно походил на отца; у него были отцовские золотистые волосы и тёмные глаза матери, только в них не светилось ни печали, ни робости. Это были невинно бесстрашные глаза; он смотрел, точно ещё никогда в жизни ничего не боялся и ни в чём не сомневался.

«С виду очень воспитанный ребёнок, – подумал Гавишем, – и замечательно красив». Но вслух старик сказал просто:

– Так вот маленький лорд Фаунтлерой.

И чем больше смотрел адвокат на маленького лорда, тем больше изумлялся. Он мало знал детей, хотя в Англии видел множество красивых розовощёких девочек и мальчиков, за которыми строго смотрели их воспитатели и гувернантки; некоторые были застенчивы, некоторые немножко шаловливы, но никто из них никогда не занимал церемонного, необщительного, старого, неприветливого адвоката. Может быть, участие к семье графа заставило Гавишема приглядеться к Цедди ближе, чем к остальным детям. Как бы то ни было, он следил за ним изо всех сил.

Цедрик не знал, что за ним наблюдают, и вёл себя как всегда. Он по своему обыкновению дружески пожал руку мистеру Гавишему и на его вопросы отвечал охотно и без колебаний, совершенно так же, как разговаривая с мистером Гоббсом. Он не был ни застенчив, ни дерзок. Беседуя с миссис Эрроль, Гавишем заметил, что мальчик прислушивается к их словам, как взрослый.

– Мне кажется, это очень благоразумный маленький человечек, – сказал Гавишем.

– В некоторых отношениях – да, – ответила она. – Он всегда охотно учился и много жил со взрослыми. У него смешная привычка употреблять длинные слова и выражения, которые он вычитал из книг или узнал от других, но он очень любит и детские игры. Мне кажется, Цедди довольно благоразумен, но иногда бывает настоящим маленьким шалуном.

Когда мистер Гавишем увидел Цедрика во второй раз, он понял, что миссис Эрроль сказала правду. Его карета огибала угол дома, и в эту минуту он заметил мальчиков, по-видимому очень оживлённых. Двое собирались бежать наперегонки, и одним из них был его милость, маленький лорд. Он кричал не меньше самого шумного из своих товарищей. Цедрик стоял рядышком с другим мальчиком, выставив вперёд ногу.

– Раз – приготовься! – кричал третий. – Два – смирно! Три – бежать!

Невольно заинтересованный, Гавишем высунулся из окна кареты. Он никогда не видывал ничего подобного: после сигнала ножки маленького лорда в красных чулочках быстро-быстро полетели, мелькая под короткими панталончиками. Он сжал руки в кулачки и наклонил лицо, его светлые волосы разлетались по ветру.

– Урра, Цед Эрроль, – закричали мальчики, прыгая от волнения. – Урра, Билли Вильямс! Урра, Цедди! Ура, Билли! Урра-ра-ра!

«Я полагаю, он выиграет», – подумал Гавишем. Мелькание красных ножек, крики мальчиков, усилия Билли Вильямса, к тёмно-коричневым ногам которого нельзя было относиться без снисхождения, так как он немного отстал от Цедди, – всё это вместе взволновало его. «Право, я надеюсь, что он выиграет», – пробормотал старик и, как бы в извинение себе, кашлянул.

В это мгновение толпа прыгавших, скакавших и шумевших мальчиков дико закричала. После заключительного отчаянного прыжка будущий граф Доринкоурт очутился подле фонарного столба и дотронулся до него ровно за две секунды до того, как подбежал задыхающийся Билли Вильямс.

– Ура в честь Цедди Эрроля, – закричали маленькие мальчики. – Ура, Цедди Эрроль!

Гавишем отодвинулся от окна, улыбнулся сухой улыбкой, откинулся на спинку сиденья и сказал:

– Браво, лорд Фаунтлерой.

Вскоре его карета остановилась подле дверей дома миссис Эрроль, в это время победитель и побеждённый направлялись туда же в сопровождении шумной толпы. Цедрик шёл рядом с Билли Вильямсом и что-то говорил ему. Его разгорячённое личико было очень красным, кудри прилипли к горячему влажному лбу, руки прятались в карманах.

– Видишь ли, – говорил он, очевидно, желая утешить Билли, – думаю, я выиграл потому, что мои ноги немножко длиннее твоих. Думаю, это так. Я на три дня старше тебя, и это даёт мне преимущество. Я на целых три дня старше тебя.

Его слова, по-видимому, ободрили Билли Вильямса; он снова стал улыбаться всему миру и начал немножко покачиваться, точно он победил на состязании, а не проиграл. Цедди всегда умел так поступать, что людям становилось ловко и хорошо. Даже в первый разгар торжества он помнил, что побеждённому может быть совсем не так весело, как ему, что, вероятно, Билли хотелось бы думать, что при других условиях победил бы он, а не Эрроль.

Немного позже Гавишем долго разговаривал с победителем, и этот разговор заставил его несколько раз улыбнуться и потереть костлявой рукой подбородок.

Миссис Эрроль позвали из гостиной, и адвокат остался вдвоём с Цедриком. Сначала Гавишем не знал, о чём говорить с таким маленьким собеседником. Ему пришло в голову, что, может статься, было бы лучше несколько подготовить Цедрика к встрече с дедушкой и к перемене жизни. Он понимал, что маленький лорд даже не представляет себе, какая новая жизнь ждёт его в Англии и в каком доме он поселится. Он даже не знал ещё, что его мать не будет жить вместе с ним. Было решено дать ему прежде оправиться от первой неожиданности, а потом сказать остальное.

Гавишем сел по одну сторону открытого окна; с другой его стороны стояло большое кресло, и Цедрик уселся в него, глядя на адвоката. Его курчавая головка лежала на мягкой спинке кресла, ноги были скрещены, руки засунуты глубоко в карманы, совсем как у мистера Гоббса. Пока миссис Эрроль была в комнате, он спокойно наблюдал за Гавишемом и после того, как она ушла, продолжал внимательно и задумчиво смотреть на него. Оставшись вдвоём, они помолчали немного; в это время Цедрик, казалось, изучал адвоката, а Гавишем, наверно, изучал Цедрика. Он не знал, что взрослый человек должен сказать мальчику, который выигрывает, бегая наперегонки, носит короткие панталончики и красные чулочки на ножках, недостаточно длинных, чтобы перевешиваться с сиденья глубокого кресла.

Но Цедрик избавил его от раздумий, сам начав разговор.

– Знаете, – сказал он, – я не понимаю, что такое граф.

– Нет? – спросил Гавишем.

– Нет, – подтвердил Цедди. – А между тем мне кажется, что, когда мальчик должен сделаться графом, ему следует знать это. Как по-вашему?

– Да, – ответил мистер Гавишем.

– Вам не будет трудно, – вежливо заметил Цедди, – вам не будет трудно дать мне оснение? (Иногда, употребляя слова, услышанные от взрослых, он не вполне правильно произносил их.) Как люди делаются графами?

– Граф получает титул от короля и королевы, – сказал Гавишем. – Обыкновенно человека делают графом за то, что он оказал какую-нибудь услугу своему государю или совершил подвиг.

– О, – сказал Цедрик, – значит, его выбирают, как президента!

– Да? – спросил Гавишем. – Ваших президентов выбирают за это?

– Да, – весело ответил Цедди. – В президенты выбирают очень хорошего и очень известного человека. Потом устраивают факельную процессию, собирают оркестры и говорят речи. Я думал, что, может быть, со временем сделаюсь президентом, но никогда не думал, что буду графом. Я ничего не знаю о графах, – поспешно прибавил он, боясь обидеть Гавишема тем, что не желал сделаться графом. – Если бы я знал что-нибудь о них, может быть, мне захотелось бы этого.

– Граф совсем не то, что президент, – заметил Гавишем.

– Да? – спросил Цедрик. – А почему? Может быть, не устраивают процессий с факелами?

Гавишем положил ногу на ногу и осторожно прижал кончики пальцев одной руки к концам пальцев другой. Ему пришлось в голову, что пора яснее объяснить мальчику положение вещей.

– Граф очень... очень важное лицо, – начал он.

– Президент тоже! – вставил Цедди. – Факельная процессия тянется пять миль, пускают ракеты, оркестр играет. Мистер Гоббс водил меня смотреть процессию.

– Графы, – не вполне уверенно продолжил Гавишем, – часто бывают очень древнего происхождения.

– Что это такое? – спросил Цедди.

– Очень древнего рода, – повторил адвокат.

– Понимаю, – сказал Цедди, глубже засовывая руки в карманы. – Мне кажется, торговка яблоками подле парка очень древнего рода. Она так стара, что вы удивились бы, как она ещё стоит на ногах. Я думаю, ей лет сто, а между тем она сидит у лотка даже в дождь. Мне так жаль её, и товарищам тоже жалко. Раз у Билли Вильямса был чуть ли не целый доллар, и я попросил его каждый день покупать у неё яблок на пять центов. Денег хватило бы на двадцать дней, но через неделю ему надоели яблоки. Тогда – такое счастье! – один господин дал мне пятьдесят центов, и я стал покупать яблоки. Так жаль всякого бедного человека старинного рода! Она говорит, что у неё ревматизм в костях и в дождь ей делается хуже.

Глядя на невинное, серьёзное личико своего собеседника, Гавишем не знал, что и сказать.

– Боюсь, что вы не вполне поняли меня, – заметил он. – Говоря о старых родах, я не думал о старом возрасте. Я хотел сказать, что если имя древней семьи было известно очень давно – её называют древним родом; иногда целые сотни лет люди, носившие то или другое имя, были известны и о них говорилось в истории их страны.

– Вот таков и Джордж Вашингтон, – сказал Цедди. – Я слышал о нём с самого рождения, и он был известен ещё раньше этого. Мистер Гоббс говорит, что его никогда не забудут. Вы знаете, его не забудут из-за объявления независимости и праздника Четвёртого июля; кроме того, он был очень-очень смелый человек.

– Первый граф Доринкоурт, – торжественно произнёс мистер Гавишем, – принял графский титул четыреста лет тому назад.

– Ого, – сказал Цедди, – давно! Вы говорили об этом Дорогой? Ей будет очень интересно. Мы скажем ей, когда она придёт. Она так любит слушать всё интересное. Ну а что ещё делает граф кроме того, что он принимает графский титул?

– Очень многие графы помогали править Англией. Некоторые были храбры и в древние времена бились в сражениях.

– Этого я сам хотел бы, – сказал Цедрик. – Мой папа был военным и очень храбрым человеком, таким же храбрым, как Джордж Вашингтон. Может быть, именно за это его и сделали бы графом, если бы он не умер? Я очень рад, что графы храбры. Смелость – преимущество! Прежде я много боялся... Знаете, – в темноте, но когда я подумал о солдатах революции и о Джордже Вашингтоне, я исправился.

– У графов есть и другие преимущества, – медленно сказал Гавишем и со странным выражением устремил свои пронизательные глаза на мальчика. – У некоторых графов много денег.

Ему было любопытно услышать, знает ли его молодой друг силу денег.

– Деньги иметь приятно, – наивно сказал Цедрик. – Мне хотелось бы, чтобы у меня было много-много денег.

– Да? – спросил Гавишем. – А зачем?

– Видите ли, – объяснил Цедрик, – человек с деньгами может сделать очень многое. Вот, например, старая лоточница... Если бы я был очень богат, я купил бы ей маленькую палатку, под которую она могла бы поставить лоток, потом небольшую печку, а каждое дождливое утро давал бы ей доллар, чтобы она оставалась дома. Потом... О, я купил бы ей шаль. Понимаете, тогда её кости болели бы меньше. У неё не такие кости, как у нас; ей больно, когда она двигается. А это, должно быть, ужасно, когда кости болят! Если бы я был достаточно богат, чтобы сделать для неё всё это, я думаю, её кости поправились бы.

– Ага, – сказал Гавишем, – а что ещё сделали бы вы?

– О, многое, очень многое. Конечно, я накупил бы для Дорогой всяких хороших вещей – игольники в виде книжек, веер, золотой напёрсток и много колец, энциклопедию и коляску, чтобы ей не приходилось ждать омнибусов. Может быть, если бы она любила розовые шёлковые платья, я купил бы ей их; только она больше любит чёрные. Я отвёл бы её в большие магазины и сказал бы, чтобы она смотрела и выбирала сама. Потом для Дика...²

– Кто такой Дик? – спросил мистер Гавишем.

– Мальчик – чистильщик сапог, – сказал маленький лорд, увлечённый чудными мечтами, – такой славный чистильщик, какого не скоро встретишь. Премилый! Он стоит на углу одной из улиц в центре города. Я давным-давно знаю его. Как-то раз, когда я был ещё очень мал, Дорогая купила мне чудный мячик и я нёс его. Вдруг он выскочил у меня из рук и откатился на середину улицы, а там были лошади и экипажи. Я так огорчился, что заплакал. Понимаете, я был ещё очень маленький! Дик чистил сапоги одного господина. Он крикнул мне: «Эге», – пробежал между лошадей, поймал мячик, вытер его своей курткой, подал маме и сказал: «Теперь всё в порядке, малыш». Дорогая полюбила его, я тоже, и, когда мы бываем в той части города, мы всегда разговариваем с ним. Он кричит «эге!», а я отвечаю «эге!». Потом мы начинаем болтать, и он рассказывает, как идут дела. В последний раз было плохо.

– А что хотели бы вы сделать для него? – спросил адвокат, потирая подбородок и улыбаясь странной улыбкой.

– Вот! – сказал лорд Фаунтлерой, с деловым видом усаживаясь удобнее в кресле. – Я откупил бы его от Джека.

² Игольник – подушечка или коробочка для хранения швейных иголок.

– А кто такой Джек? – спросил Гавишем.

– Он компаньон Дика, и худшего компаньона нельзя найти. Так говорит Дик. Джек медленно работает и нечестен. Он обманывает, а это с ума сводит Дика. Не правда ли, можно с ума сойти, когда хорошо чистишь сапоги, чернишь их ваксой изо всех сил, всё время поступаешь порядочно и узнаёшь, что твой товарищ совсем не честен? Все любят Дика, но не любят Джека, и многие не возвращаются к ним во второй раз. Поэтому, если бы я был богат, я выплатил бы Джеку его часть и заказал бы для Дика большую вывеску. Он говорит, что хорошая вывеска – дело важное. Я купил бы ему новые суконки и новые щётки и пустил бы его в ход. Он говорит, что ему нужно только пойти в ход.

Маленький лорд говорил доверчиво, повторяя выражения Дика. По-видимому, он несколько не сомневался, что его старого собеседника всё это занимает так же сильно, как и его самого. И действительно, адвокат слушал с любопытством, но, может быть, его меньше интересовали Дик и лоточница, чем маленький добрый лорд, курчавая головка которого так усиленно работала под золотистыми волосами. Он строил столько планов для своих друзей, как-то совсем забыв о себе!

– А есть ли что-нибудь, – начал Гавишем, – чего вы хотели бы для себя?

– Множество вещей, – ответил лорд Фаунтлерой. – Но прежде я дал бы Мэри денег для её сестры Бриджет, у которой двенадцать детей и муж без работы. Она приходит сюда, плачет, и Дорогая кладёт для неё в корзинку разные вещи; тогда она опять плачет и говорит: «Благослови вас Бог, добрая красавица». Потом, я думаю, что Гоббсу было бы приятно получить от меня на память золотые часы с цепочкой и трубку из морской пенки. И я хотел бы иметь отряд!³

– Отряд? – вскрикнул Гавишем.

– Да, вроде республиканского войска, – объяснил Цедрик в сильном волнении. – Я хотел бы иметь факелы и мундиры для всех наших мальчиков и для себя тоже. Тогда мы маршировали бы и устраивали бы учения. Вот что я хотел бы для себя, если бы был богат.

Дверь отворилась, и вошла миссис Эрроль.

– Жалею, что мне пришлось так надолго оставить вас, – обратилась она к Гавишему. – Но ко мне пришла бедная женщина, у которой много неприятностей.

– Этот молодой человек, – сказал Гавишем, – рассказывал мне о своих друзьях и о том, что он сделал бы для них, если бы был богат.

– Бриджет – тоже его друг. Я разговаривала на кухне с ней. Она очень опечалена, так как у её мужа сделалась ревматическая лихорадка.

Цедрик соскользнул с большого кресла.

– Я пойду поговорить с ней, – сказал он, – и спрошу, как его здоровье. Когда Микэль здоров, он такой славный. Я очень обязан ему: как-то раз он сделал для меня деревянный меч. Это очень талантливый человек.

Цедди убежал из комнаты. Мистер Гавишем поднялся со стула, помолчал немножко, потом произнёс, глядя на миссис Эрроль:

– Перед отъездом из Доринкоурта я виделся с графом, и он дал мне некоторые поручения.

Ему хочется, чтобы внук радовался предстоящей жизни в Англии и знакомству с ним. Он поручил мне объяснить лорду Фаунтлерою, что перемена жизни даст ему деньги и всевозможные детские удовольствия; мне велено исполнять все его прихоти и говорить при этом, что дедушка доставил ему то, чего он желал. Граф не ожидал, что мальчик выкажет именно такие наклонности, но раз лорду Фаунтлерою хочется помочь этой бедной женщине, я знаю, граф Доринкоурт останется недоволен, если я не исполню его желания.

Во второй раз он не повторил точных слов графа. В действительности старый лорд сказал:

³ Пенка – лёгкий огнестойкий пористый минерал, из которого изготавливают курительные трубки и некоторые другие изделия.

– Объясните мальчишке, что я могу дать ему всё, что он пожелает. Пусть он поймёт, что значит быть внуком графа Доринкоурта. Покупайте вещи, которые ему понравятся, давайте ему деньги и говорите, что всё это он получает от дедушки.

Граф поступал так совсем не из добрых чувств, и, если бы ему пришлось иметь дело с мальчиком менее любящим, менее добрым, чем лорд Фаунтлерой, он принёс бы ему большой вред. Между тем мать Цедрика была так добра и кротка, что и не подозревала о дурных побуждениях графа. Она говорила себе, что, может быть, одинокий, несчастный старик, потерявший всех сыновей, хочет быть добрым к её маленькому сыну, и чувствовала к нему невольное расположение. Кроме того, ей было приятно думать, что Цедди поможет Бриджет. Она стала счастливее при мысли, что богатство, выпавшее на долю её маленького мальчика, с самого начала даст ему возможность быть добрым к тем, кто нуждался в его доброте. Яркий румянец загорелся на её молодом лице.

– О, – сказала она, – это так великодушно со стороны графа. Как обрадуется Цедди! Он очень любит Бриджет и Микэля. И они стоят этого. Я всегда сожалела, что не могу больше помогать им. Когда Микэль здоров, он трудится изо всех сил, но он долго пролежал больной, и теперь ему нужны дорогие лекарства, тёплое платье и питательная пища. Он и Бриджет попусту не истратят подаренных им денег.

Гавишем запустил свою худую руку в жилетный карман и вынул большую записную книжку. На его умном лице было странное выражение; он спрашивал себя: что скажет граф Доринкоурт, узнав, какое первое желание высказал его внук? Гавишем не знал, что подумает обо всём этом суровый, желчный, себялюбивый старый граф.

– Я не знаю, поняли ли вы, – заметил Гавишем, – что граф Доринкоурт необыкновенно богатый человек. Он может исполнять все капризы. Я думаю, ему будет приятно, если он узнает, что прихоти лорда Фаунтлероя были исполнены. Если вы позовёте вашего сына, я с вашего разрешения передам ему пять фунтов для этих людей.

– Двадцать пять долларов! – воскликнула миссис Эрроль. – Для них такие деньги почти богатство! Я еле верю, что всё это правда!

– Это совершенная правда, – сказал Гавишем, улыбаясь сухой улыбкой. – В жизни вашего сына произошла большая перемена, теперь в его руках будет большая сила.

– О, – вскрикнула миссис Эрроль, – а между тем он ещё такой маленький мальчик, совсем-совсем маленький. Сумею ли я научить его никогда не злоупотреблять властью? Мне страшно. Мой хорошенький, маленький Цедди!

Адвокат откашлялся. В его расчётливое, жёсткое старое сердце закралось нежное чувство при виде робкого выражения её тёмных глаз.

– Судя по моему разговору с лордом Фаунтлероем, – сказал он, – мне кажется, будущий граф Доринкоурт будет думать о других столько же, сколько и о себе. Конечно, он ещё ребёнок, но я думаю, что на него можно положиться.

Миссис Эрроль пошла за Цедриком и привела его в гостиную. Раньше чем он вошёл в комнату, Гавишем услышал его голос:

– У него ревматическое воспаление, а это ужасная вещь. И он всё думает о том, что за квартиру не заплачено, а Бриджет говорит, что от этого воспаление делается только хуже. Подумай только: Пат мог бы поступить на место в лавку, если бы у него было платье!

Цедди вошёл в гостиную со встревоженным личиком. Он очень жалел Бриджет.

– Дорогая сказала, что вы хотите меня видеть, – обратился он к Гавишему. – Я разговаривал с Бриджет.

Адвокат посмотрел на него. Несколько мгновений он стоял в нерешительности и чувствовал себя неловко. Миссис Эрроль сказала правду: это был ещё совсем маленький мальчик.

– Граф Доринкоурт... – начал старик и невольно взглянул на миссис Эрроль.

Мать маленького лорда стала на колени подле Цедди и нежно обняла его обеими руками.

– Цедди, – сказала она, – граф – твой дедушка, отец твоего папы. Он очень добрый, очень любит тебя и хочет, чтобы ты любил его, потому что сыновья, которые были его маленькими голубчиками, умерли. Он хочет также, чтобы ты был счастлив и делал счастливыми других. Твой дедушка богат. И ему хотелось бы, чтобы у тебя было всё, чего ты желаешь. Он сказал это мистеру Гавишему и дал ему для тебя очень много денег. Теперь ты можешь помочь Бриджет. Ты можешь подарить ей деньги, чтобы она заплатила за квартиру и купила всё нужное для Микэля. Разве это не хорошо, Цедди? Правда, какой он добрый?

Она обняла и поцеловала круглую щёчку ребёнка, на которой внезапно загорелся румянец волнения.

Цедди переводил глаза с матери на Гавишема.

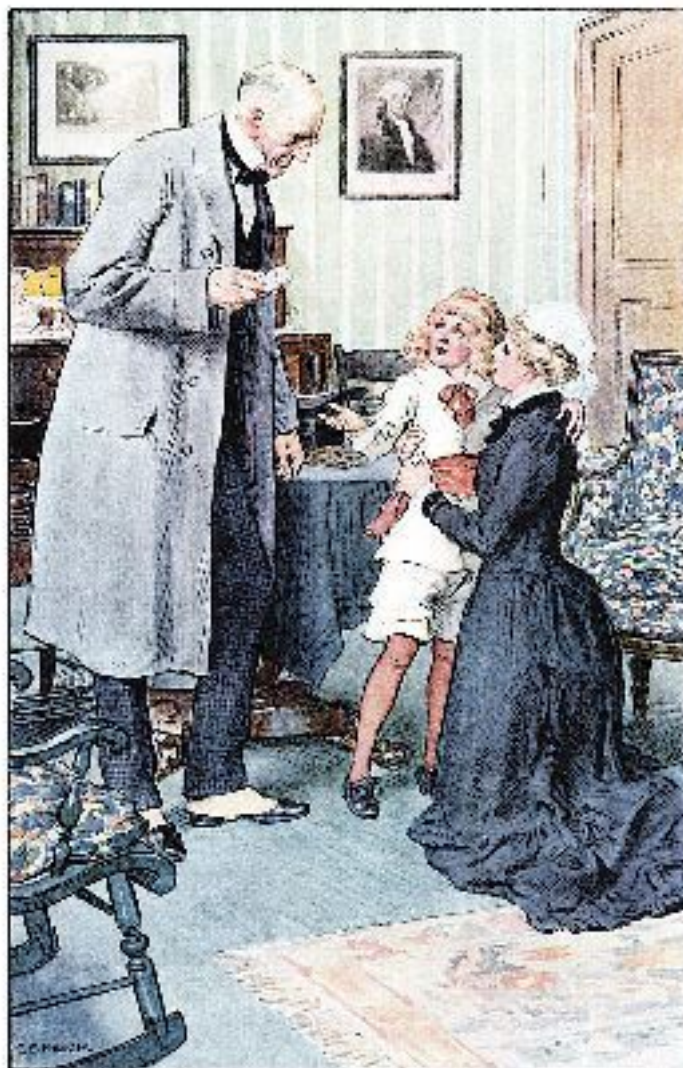
– Могу я сейчас получить деньги? – вскрикнул он. – Могу я сию минуту отдать их Бриджет? Она уходит.

Гавишем передал ему деньги. Это были новые чистые бумажки с зелёной обратной стороной; они лежали свёрнутые в аккуратную пачку.

Цедди пулей вылетел из комнаты.

– Бриджет! – донеслось из кухни. – Бриджет, подожди одну минуту! Вот деньги. О, это для тебя, и теперь ты можешь заплатить за квартиру! Мой дедушка подарил их мне. Возьми для себя и Микэля.

– О, мистер Цедди, – в каком-то ужасе закричала Бриджет. – Тут целых двадцать пять долларов! А где же миссис?

– МОГУ Я СЕЙЧАС ПОЛУЧИТЬ ДЕНЬГИ? – ВСКРИКУЛ ОН. – МОГУ Я СИЮ МИНУТУ ОТДАТЬ ИХ БРИДЖЕТ? ОНА УХОДИТ

– Кажется, мне самой придётся пойти на кухню и объяснить всё Бриджет, – сказала миссис Эрроль.

Гавишем на несколько минут остался один. Он подошёл к окошку и стал задумчиво смотреть на улицу. Адвокат представил себе графа Доринкоурта в его большой нарядной мрачной библиотеке, мысленно увидел этого одинокого старика, страдающего, окружённого великолепием и роскошью, но не любимого никем, потому что всю свою долгую жизнь он никогда истинно не любил никого, кроме себя.

Он был себялюбив, снисходителен к себе, резок и вспыльчив с другими. Он так много думал о собственных удовольствиях, что у него не хватало времени подумать о ком-нибудь ещё. Всю жизнь ему казалось, что богатство, власть, выгоды, которые давало ему знатное имя и высокое положение, должны служить лишь для его развлечений и забавы.

Теперь же, когда он сделался стариком, после всех этих наслаждений и удовольствий у него остались только болезнь, раздражительность и нелюбовь к людям, которые, конечно, тоже не любили его. Несмотря на великолепие, окружавшее лорда, на свете никогда не было более одинокого человека, так мало пользовавшегося всеобщим расположением окружающих.

Если бы он захотел, то переполнил бы свой замок гостями. Он мог задавать громадные обеды и устраивать великолепные охоты. Но он знал, что люди, которые явились бы по его

приглашению, втайне боялся его угрюмого лица и насмешливых, колких речей. У него был злой язык и дурной характер. Он часто заставлял своих собеседников чувствовать себя неловко. Ему нравилось издеваться над людьми чувствительными, обидчивыми, гордыми или застенчивыми.

Гавишем отлично знал его недобрые привычки и теперь, глядя из окна на спокойную узкую улицу, мысленно рисовал себе другую картину: маленький красивый мальчик, сидя в большом кресле, рассказывал старому графу о своих друзьях, Дике и лоточнице, и говорил так наивно, откровенно и правдиво. Подумал Гавишем также о громадных доходах, о красивых величественных имениях, о богатстве и власти, которые со временем должны были перейти в крохотные пухлые ручки маленького лорда Фаунтлероя, которые он привык глубоко засовывать в карманы!

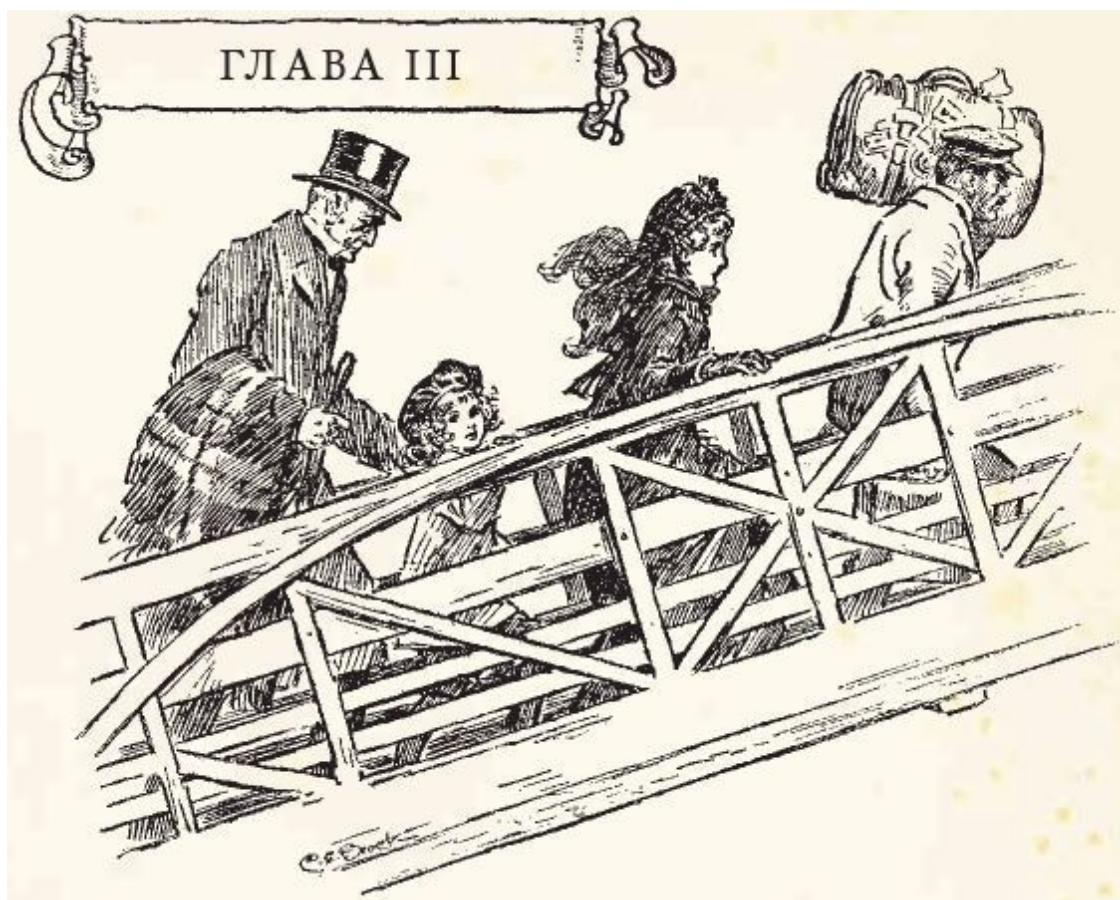
«Будет большая разница, – сказал он себе мысленно, – будет большая разница».

Вскоре миссис Эрроль и Цедрик вернулись в гостиную. Цедрик был весел и очень взволнован. Он сел на стул между адвокатом и матерью и принял свою обыкновенную позу, то есть положил руки на колени. Он весь сиял от радости, вспоминая о восторге Бриджет.

– Она заплакала, – сказал он, – она говорила, что плачет от радости. Прежде я никогда не видел, чтобы люди плакали от удовольствия. Должно быть, мой дедушка очень добрый. А я и не знал, что он такой добрый. Право, гораздо приятнее быть графом, чем я думал. Я доволен, я почти совсем доволен, что сделаюсь графом.

Глава III Отъезд

В течение следующей недели Цедрику больше прежнего понравилось быть лордом. Ему трудно было свыкнуться с мыслью, что теперь он может исполнять почти все свои желания; кажется, сначала он совсем этого не сознавал, но наконец после нескольких разговоров с мистером Гавишемом Цедди понял, что он в состоянии исполнить все свои самые смелые желания, и принялся за это дело так просто и с таким наслаждением, что сильно позабавил адвоката. В течение недели, остававшейся до отъезда, Цедрик сделал множество самых необыкновенных вещей.

Адвокат долго помнил то утро, в которое они вместе пошли в центр города навестить Дика, а потом донельзя изумили лоточницу «древнего рода», явившись перед её лотком, сказав, что у неё будут палатка и печка, и дав ей деньги, которые показались ей необыкновенно большими.

– Мне придётся уехать в Англию и быть лордом, – мягко объяснил Цедрик. – И мне было бы неприятно вспоминать о ваших костях всякий раз, когда пойдёт дождик. У меня кости никогда не болят, поэтому, мне кажется, я не совсем понимаю, как больно это может быть; но я очень сочувствую вам и надеюсь, что вам сделается лучше.

– Это очень хорошая лоточница, – сказал он адвокату, когда они отошли от владелицы лотка, которая почти задыхалась от неожиданности и не могла поверить в своё великое счастье. – Раз, когда я упал и рассёк себе колено, она мне подарила яблоко. Я всегда это помнил. Вы знаете, ведь нельзя не помнить людей, которые оказали вам добро.

В его честный, простой ум никогда не приходила мысль, что на свете бывают люди, забывающие сделанное им добро.

Свидание с Диком было прямо восхитительным. У чистильщика сапог только что вышли большие неприятности с Джеком, и, когда Цедди и адвокат подошли к нему, он казался унылым. Цедрик спокойно объявил, что они помогут ему избавиться от Джека. Дик почти онемел от удивления. Надо сказать, что лорд Фаунтлерой говорил с ним обо всём совершенно просто. Стоя и слушая мальчика, Гавишем изумлялся, как прямо и без обиняков объяснялся он. От известия, что его старый друг сделался лордом и находится в опасности стать графом, Дик широко открыл глаза и рот и при этом так вздрогнул, что фуражка свалилась с его головы. Он поднял её с очень странным восклицанием. То есть оно показалось странным только мистеру Гавишему, потому что Цедрик уже раньше слышал его.

– Эка штука! – сказал он. – Вы морочите нас!

Очевидно, эти слова немного смутили лорда, но он не потерялся.

– Сначала все считают это неправдой, – сказал он. – Мистер Гоббс думал, что со мной сделался солнечный удар. Я сам не думал, что мне это понравится, но теперь я привык и доволен больше прежнего. Мой дедушка – граф, и он хочет, чтобы я делал всё, что мне нравится. Он очень добр, хотя и граф, и прислал мне много денег с мистером Гавишемом. Часть их я принёс тебе: откупись от Джека.

Дело кончилось тем, что Дик действительно откупился от Джека и у него очутились новые щётки, изумительная вывеска и все принадлежности ремесла. Он поверил своему счастью с таким же трудом, как и лоточница «старинного рода», ходил точно во сне, не отрывая глаз смотрел на своего юного благодетеля, и ему всё казалось, что он сию минуту проснётся. Дик почти ничего не понимал, пока наконец Цедрик не протянул ему руку, чтобы проститься.

– Ну, до свидания, – сказал маленький лорд, стараясь говорить спокойно; однако, несмотря на его усилия, голос слегка дрожал, и он часто моргал своими большими тёмными глазами. – Надеюсь, дело пойдёт хорошо. Мне жалко, что я уезжаю, но, может быть, я вернусь сюда, когда сделаюсь графом. Пиши мне, ведь мы всегда были друзьями. Вот тебе мой адрес. – Он подал чистильщику сапог кусочек бумаги. – Теперь меня зовут не Цедрик Эрроль, моё имя лорд Фаунтлерой, и... прощай, Дик!

Дик тоже замигал глазами с мокрыми ресницами. Он не был воспитанным чистильщиком сапог и с трудом мог бы выразить всё, что чувствовал, если бы даже постарался сделать это; может быть, именно поэтому он молчал и только мигал ресницами и что-то глотал.

– Лучше бы вы не уезжали, – сказал наконец Дик хриплым голосом и опять замигал. Потом он посмотрел на мистера Гавишема и дотронулся до фуражки. – Благодарю, сэр, за то, что вы привели его сюда, и за всё, что сделали. Он... он удивительный малый, – прибавил Дик. – Я всегда считал его молодцом. Он такой славный и... и такой необыкновенный.

Они пошли прочь; Дик смотрел на уходящих и видел их как в дымке; в его горле стоял какой-то комок, но он не переставая следил за прямой маленькой фигуркой, шагавшей подле своего высокого, вытянутого, негибкого спутника.

До дня отъезда его милость лорд проводил почти всё время в лавке мистера Гоббса.

Гоббс стал мрачным, он был подавлен. Когда его молодой друг с торжеством принёс ему прощальный подарок – золотые часы с цепочкой, – Гоббс не знал, что ему делать. Он положил коробочку на толстое колено и несколько раз громко высморкался.

– На них есть надпись, – сказал Цедрик, – там, внутри крышки. Я сам заказал, что нужно написать: «От старинного друга лорда Фаунтлероя мистеру Гоббсу. Посмотрите – вспомните». Я не хочу, чтобы вы меня забыли.

Гоббс опять очень громко высморкался.

– Я не забуду вас, – сказал он, как и Дик, немного хриплым голосом. – И вы тоже не забывайте меня, когда попадёте в британскую аристократию.

– Я не забуду вас, где бы ни жил, – ответил маленький лорд. – Я провёл с вами самые счастливые дни, по крайней мере, многие из моих счастливейших часов, и надеюсь, вы когда-нибудь приедете погостить ко мне. Я уверен, что дедушка будет очень доволен. Может быть, когда я расскажу о вас, он пригласит вас к себе. Ведь вам будет всё равно, что он граф? Правда? Я хочу сказать, что вы не откажетесь приехать по его приглашению только потому, что он граф?

– Я приеду, чтобы видеть вас, – милостиво ответил мистер Гоббс.

Итак, по-видимому, было решено, что, если бакалейщик получит настойчивое приглашение от графа погостить в замке Доринкоурт, он отложит в сторону свои республиканские предрассудки и запакует вещи в чемодан.

Наконец все приготовления были окончены; наступил день, в который сундуки отнесли на пароход; экипаж остановился подле дверей домика миссис Эрроль. В эту минуту маленького мальчика охватило странное тоскливое чувство. Его мама некоторое время не выходила из своей комнаты, когда же она вошла в гостиную, ему показалось, что её глаза стали влажны, сделались очень велики, а нежный ротик дрожал. Цедрик подбежал к ней. Она наклонилась, он обнял её обеими руками, и они поцеловались. Он чувствовал, что им обоим почему-то грустно, хотя с трудом понимал, в чём дело. Однако его губы высказали одну трогательную мысль:

– Мы любили этот маленький домик, Дорогая. Правда? И мы всегда будем любить его. Да?

– Да, да, – ответила она тихим, мягким голосом. – Да, дорогой.

Они сели в экипаж. Цедрик прижался к матери и, когда она выглянула из окна, посмотрел на неё и нежно пожал ей руку.

Потом – казалось, это случилось тотчас же – они очутились на пароходе посреди суеты и толкотни. Подъезжали экипажи, из них выходили пассажиры. Путешественники волновались из-за багажа, который ещё не прибыл и мог опоздать. Большие сундуки и ящики бросали вниз, таскали по палубе. Матросы развёртывали канаты и бегали взад и вперёд. Офицеры отдавали приказания. На палубу поднимались дамы, мужчины, дети и няни. Некоторые смеялись и казались весёлыми, другие печально молчали, третьи плакали, прижимая платки к глазам. Цедрик повсюду видел что-нибудь интересное для себя. Он смотрел на груды верёвок, на собранные паруса, на высокие-высокие мачты, чуть не касавшиеся горячего синего неба, и уже начал составлять планы о том, как он заговорит с матросами и будет расспрашивать их о морских разбойниках.

Совсем в конце, когда Цедрик, облокотившись о борт, наблюдал за последними приготовлениями возбуждённо кричащих матросов, он заметил, как кто-то поспешно проталкивается через толпу людей. Это был мальчик, державший в руке что-то красное. Дик! Чистильщик сапог, задыхаясь, подошёл к Цедрику:

– Я всю дорогу бежал, хотел посмотреть, как вы отплывёте. Дело идёт отлично. Я купил для вас вот это на вчерашнюю выручку. Носите его, когда попадёте в знать. Бумагу я потерял, проталкиваясь через толпу там, внизу. Они не хотели пропускать меня. Я принёс вам платок.

Он выговорил всё это одним духом. Прозвучал колокол, и Дик отскочил в сторону раньше, чем Цедрик успел заговорить.

– Прощайте, – задыхаясь, крикнул чистильщик. – Берите его с собой в гости, когда попадёте в знать.

И мальчик бросился прочь.

Через несколько секунд Цедрик увидел, как Дик пробиравшись в толпе на нижней палубе. Он выскочил на берег в ту минуту, когда убирали трап. Дик ещё долго стоял на пристани и махал фуражкой.

Цедрик держал красный платок, украшенный лиловыми подковами и лошадиными головами.

Что-то зашумело, затрещало. Все пришли в смятение. Стоявшие на пристани кричали своим друзьям, отъезжающие отвечали им. Слышалось:

– Прощай, прощай, прощай, старина! Не забывайте нас!

– Пишите из Ливерпуля. Прощайте!

Маленький лорд наклонился через борт и замахал красным платком.

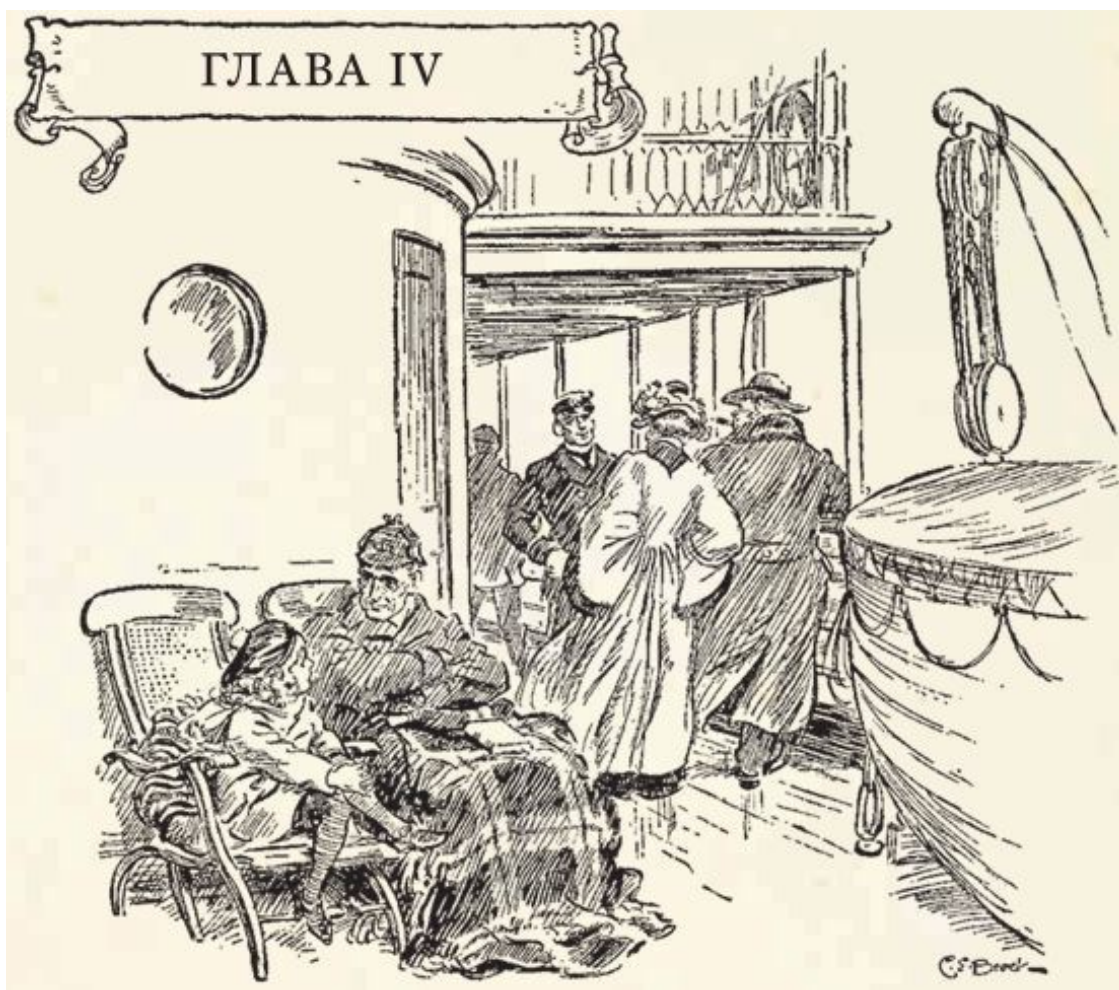
– Прощай, Дик, – во весь голос закричал он. – Благодарю тебя. Прощай, Дик!

Большой пароход двинулся. Люди снова закричали. Мать Цедрика опустила вуаль на глаза. Все волновались на берегу.

Дик видел только прелестное детское лицо, освещённые солнцем светлые волосы, которые поднимал ветер, слышал только сердечный голосок, кричавший: «Прощай, Дик!» Так маленький лорд Фаунтлерой медленно отплывал от места своего рождения, отправляясь в незнакомую страну предков.

Глава IV В Англии

Только во время путешествия мать Цедрика сказала ему, что он будет жить не в одном доме с ней. Мальчик, узнав об этом, так опечалился, что Гавишем понял, как умно поступил граф, приготовив для миссис Эрроль жильё невдалеке от замка, чтобы Фаунтлерой мог часто видаться с ней. Было вполне ясно, что Цедрик не вынес бы разлуки. Однако миссис Эрроль нежно, с любовью ласкала сына, уверяя, что будет жить совсем-совсем близко от него и нет причин бояться разлуки.

– Мой дом недалеко от замка, Цедди, – повторяла она каждый раз, когда об этом заходила речь. – Я поселюсь близко от тебя, ты же каждый день прибегай ко мне. Ведь у тебя найдётся столько рассказов. И мы будем так счастливы вместе. Это очень красивое место. Твой папа часто рассказывал мне о нём. Он очень любил старый дом, ты тоже его полюбишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.